

Л. А. МЫЦ

ПОМНЮ ТАКИМ...

- В последнее время пересекались, в основном, в музейном дворике:
- Слушай, устал... Надоело все. Завтра в Судак поедешь? И мужа бери.
 - Детей тоже прихватить? Обрадуются – вместо школы. День-то рабочий.
 - Да брось ты, в Радостном остановимся...
 - Авенирыч, честно скажите, если бы случайно не столкнулись, вы бы обо мне и не вспомнили...
 - Ну, столкнулись же! Смотри, какой мне значок дали.
 - Красивый, вам идет... А в Судак – может в другой раз получится...
- Порывистый, импульсивный и по-детски непосредственный. Обижаться невозможно – искренний во всем, и в словах, и в делах.

- Выезд семьями за грибами. Игорь Авенирович – в костюме и с дипломатом.
- Вы бы флаг еще прихватила! В какой лес в таком виде?
 - Не царское дело – грибы искать! Я – в филиал.
- Уговоры бесполезны.

Едем из Питера. Шумные проводы на вокзале – с “посошком”, со слезами, перемежающимися взрывами хохота; куча передач, в том числе шины для “Оки” – от друзей друзьям.

...Тронулись. В купе загрузили, продолжили душевный разговор на фоне спящего коллеги. Таможня пришла. Увидев колеса, заинтересовались декларацией и пригласили в купе проводника для выяснения отношений в спокойной обстановке. Ситуация критическая: хотя бы денег, которых нет (домой едем), или натурой – согласны на колесо. Объясняю, что если были бы деньги – заплатила бы, были бы колеса мои – одно бы отдала, а поскольку дружеские, отдать никак не могу, знаю, как их ждут и как они достались. Предлагают третий вариант – покинуть поезд вместе с колесами на ближайшей станции для дальнейшего урегулирования конфликта. Перспектива не радует – название полустанка никогда не слышала. Пауза... Молчим...

Открывается с грохотом дверь – Авенирыч в тельняшке, решимости в глазах и позе, как у Матросова перед броском на амбразуру, в кулаке – мятые карбованцы.

– Сколько надо? Берите все!

Спокойно заинтересовавшись наличием, таможенник попросил избавителя покинуть помещение – сумма, эквивалентная стоимости бутылки минеральной и троллейбусного талона, никак не устроила.

Несгибаемый Авенирыч внезапно заговорил по-украински, с сильным русским акцентом:

– Хлопцы, шо робитесь? Там – москали гнобят...

Из нагрудного кармана служебной формы вынимается удостоверение с тисненой надписью “Таможенная служба России”. Мгновенная реакция моего защитника – по-русски, без акцента:

– Дожили! Братья-славяне друг-друга не узнают. Там хохлы не дадут всем вина привезти...

Трясусь от смеха, еле сдерживая хохот – впрочем ничего другого не остается: велено собрать вещи и не покидать купе. Через 20 минут станция, где меня высадят.

– Берите меня! – последняя фраза Игоря Авенировича, уже в дверях.

Сборы недолгие, обсуждаем детали: кого успокоить, с кем связаться, куда послать деньги.

– Давай я на высадку пойду!

– Нет, Авенирыч, спасибо, мои колеса – мой крест, попутно займусь ликвидацией пробелов в географическом образовании. Название станции запишите, а то буду тут с шинами зимовать.

– Резина горит хорошо – греться будешь.

– До весны не хватит – маловато. Надо было больше брать...

Через час спохватилась, что за мной так и не пришли. Иду искать блюстителей – нужна в конце концов определенность: или – или. Проводник, проникнувшись, похоже, редким законопослушанием, сказал, что у таможни и без меня дел хватает и популярно объяснил, как возить колеса без проблем.

Благополучный финал требует продолжения разговора. Откуда-то появляется музыкальный спиночес в виде полусогнутой кисти – японский подарок Авенирычу от родственников. Вспоминаем четырехзубый костяной гребень из раскопок на Фуне, назначение которого помог определить заезжий казах, пояснивший, что они и сейчас такими пользуются. Отметили, как далеко шагнуло человечество за полтысячи лет в таком нужном деле как чесывание спины.

– За прогресс!

За друзей и близких, спящего Вадика, братьев меньших...

– Дальше спи спокойно, – говорит Авенирыч, – у меня в Симферополе знакомый начальник... как его...

– Авенирыч, спасибо за все, только, как вспомните – запишите фамилию, чтобы на пальцах свои связи показывать не пришлось.

Засыпаю под “Дай, Джим, на счастье лапу мне...”, прочитанное, кажется, до конца.

Едем вчетвером из Судака в Симферополь. Возвращаться в рутину не очень хочется. Игорь Авенирович: “Радостное...”. Поддерживаю: “Хорошо бы...”. Подуставшую Нину “продолжение банкета” не вдохновляет:

– Может, пора остановиться?!

Мы с Авенировичем – хором:

– А мы про что?

Супруг за рулем – ему тоже останавливаться не интересно, поддерживает оппозицию:

– Нина, мы им передачи будем в одну лечебницу носить.

Затягиваю: “Радостно мне...” – тщательно проговаривая все звуки.

– Я спокоен... – продолжает Авенирыч.

Возмущаюсь:

– Авенирыч, с кем живем? Еще смеются! Никакого понимания! А ведь лучшие годы... А может мы воды хотим родниковой?

– Эти стакана не поднесут...

– Представляю себе оздоровительные передачи... И мы им еще детей в муках рожали!

– Больше не будем!

– Ни-ког-да!

Дальше ехать просто невозможно – тормозим. Но сначала все-таки идем к роднику.

– Слушай, на сессии был – еле высидел.

– Чем вы там занимаетесь? Лучше бы троллейбус в наш район провели.

– Не проведу – не мой округ! Хочешь, удостоверение дам на бесплатный проезд?

– Да мне зачем? Троллейбуса-то все равно нет. Вы бы еще пиджак предложили.

– Нравится? Бери.

– Мы на конференцию в Болгарию едем, решили жен прихватить. Поедешь?

А в Тулу с самоваром не пробовали? Я согласна.

Приглашения прислали на всех, правда, денег на билеты достать не удалось даже законным участникам.

В памяти всплывает множество эпизодов, светлых и праздничных, причем праздник, как правило, был импровизацией, нечаянной радостью. Это и плов, приготовленный вдохновенно, и неожиданные подарки...

Едем в Новый свет “к бочке” с некондиционным виноматериалом для шампанского – лучшее, что можно отыскать в округе.

– В дегустационном зале была?

- Ни разу.
- Поехали!
- С утра? Вы себя к какой категории причисляете?
- Ренегатов! И не возражай, а то ведь “брют” от “сухого” отличить не можешь.
- Очередь у входа ропщет.
- Спецгруппа! – невозмутимо поясняет Игорь Авенирович.

Небольшую “спецгруппу”, в состав которой входит и сын Славка, с сомнением, но не без зависти провожают взгляды “очередников” и радушно встречают хозяева, хотя внеплановый наезд, можно догадаться, не к месту. Отступить поздно и – не с Барановым.

– Экскурсию по музею покороче, – распоряжается Авенирыч, – я им потом расскажу.

Через пять минут мы будем благоговейно вкушать лучшее шампанское, погружаясь в другой мир под интересный рассказ нашего милого гида. Довольный Игорь Авенирович, не изменяя себе, сидит с бокалом “спецнапитка”.

* * *

- Вот придем к власти – наведем порядок!
- Это как? Экспроприаторов экспроприруем, инакомыслящих изолируем?..
- Тебя – в Сибирь, на лесозаготовки.
- Я вам, между прочим, флаг подарила, кумачовый, советского производства. Можно на Южный берег на виноградники?
- Мы подумаем.
- Спасибо!

С ним было легко. Хотя, наверное, не всем. Щедрый к друзьям и к тем, кого любил, он был непримирим и, порой, несправедлив в своей нелюбви, неприязни или неприятии чего-либо. Но, как всегда – искренне. Он и жил легко, как бы играючи – в науку, в партию, во власть. Рано получив возможные ученые степени, со свойственным ему энтузиазмом занялся реализацией давних желаний. В партию вступил вопреки исторической логике, когда идея осуществления светлых коммунистических идеалов для всех, опровергнутая 70-летней практикой нашего государства, тем более оказалась утопией в нынешних условиях – в “городе Солнца” слишком мало места даже для избранных. Свой среди чужих, он был по сути идейным идеалистом, так и не нажившим благ. И зная ситуацию изнутри, часто “уходил” не столько от проблем, сколько от невозможности их справедливого разрешения, спеша растратить отпущенный богом запас жизни. Хотел успеть все: сидя в различных креслах, душой оставался там, где начинался его путь в науку, и откуда начался его последний земной путь – в филиале Института археологии.

Можно говорить о феномене Баранова – он действительно был феноменален, с завидной способностью к самореализации. Однако, достижение очередных высот оборачивалось бременем рутины, требующей самодисциплины и следования регламентации. Мне думается, что ему был интересен сам процесс достижения цели, реализации мечты, исчезающей, как только она осуществлялась. И все-таки он многое делал и сделал. Занимаясь далекой от современности наукой, где он сказал свое веское слово, успевал заниматься современными проблемами памятников и участвовать в политической жизни, везде оставаясь фигурой яркой и авторитетной. И еще искренней, эмоционально щедрой во всем и без тени снобизма личностью – эти качества редки в людях такого ранга, и в наше слишком прагматичное время почти не встречаются. Личность многогранная, неоднозначная, противоречивая и тонко эмоциональная – он жил, пытаясь играть очень разные роли. Что-то удавалось блестяще, что-то – хуже, но он всегда был правдив и искренен даже в своих заблуждениях и в каждой роли оставался самим собой – верным, по большому счету, только двум святыням – семье и науке.

Яркий и интересный, как праздник, в чем-то предсказуемый, а чаще неожиданный, одним словом – Сувенир, как по-доброму его называли.

Мне очень жаль, что его нет и больше не будет.

– Привет! Слушай, надоело все. Давай завтра...

“Завтра” у меня, к сожалению, никогда не получалось. И уже не получится...